

A movie poster featuring three actors. In the center is a woman with blonde, wavy hair, wearing a dark blue blazer over a white top. To her left is a man with light brown hair, wearing a dark blue suit jacket over a light blue shirt. To her right is a man with dark hair and a beard, wearing a dark grey blazer over a black shirt. They are all looking off-camera with serious expressions. The background is a blurred cityscape at night with lights from buildings and a bridge.

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

ДВОЕ МУЖЧИН.

Ни одного рядом

Виолетта Весна

Двое мужчин. Ни одного рядом

«Автор»

2026

Весна В.

Двое мужчин. Ни одного рядом / В. Весна — «Автор», 2026

В день, когда муж предложил мне «спокойный» развод, за нашим столом оказалось два пустых места. Он уже почти год жил второй жизнью. А я двадцать один год была рядом со всеми — кроме самой себя. Я проектирую безопасные дома для людей после тяжелых травм. Теперь клиника Павла хочет оставить себе мои чертежи, клиентов и репутацию, предложив взамен деньги и молчание. В этот момент появляется Максим Громов — влиятельный строитель, который нанимает меня ради своего отца. Он уважает мой талант, выполняет обещания и смотрит так, будто видит во мне женщину. Но в одном Максим пугающе похож на моего мужа: оба привыкли заменять присутствие деньгами. Один мужчина уже решил, что может меня потерять. Второму только предстоит доказать, что он умеет быть рядом. Но сначала я верну себе имя, работу и право выбирать собственную жизнь — даже если в ней не останется ни одного из них.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Два пустых места	5
ГЛАВА 2. Его спокойный развод	10
ГЛАВА 3. Клиент, который прислал себя	16
ГЛАВА 4. Дом принадлежит тому, кто в нем живет	22
ГЛАВА 5. Чужой логотип на моей работе	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виолетта Весна

Двое мужчин. Ни одного рядом

ГЛАВА 1. Два пустых места

В демонстрационной квартире было два свободных стула. Один предназначался Павлу, второй — Максиму Громову, заказчику, который собирался вернуть отца домой после инсульта.

За пять минут до начала я переставила оба к столу. Не потому, что верила в пунктуальность мужчин. Просто проход от прихожей к кухне должен был оставаться свободным: девяносто сантиметров между шкафом и краем столешницы, ни одного табурета на пути, нескользкий пол без порогов. Эту квартиру мы собирали не для красоты. Здесь родственники учились замечать, сколько лишних препятствий существует в обычном доме.

— Марина Сергеевна, Громов не придет, — сообщила Лиза, моя помощница, заглянув из коридора. — Вместо него будет Денис Олегович. Он уже поднимается.

Я посмотрела на часы. Семнадцать сорок две.

— Юрия Ильича привезут к шести?

— Реабилитолог подтвердил. Машина заказана.

— Тогда ждем владельца дома. Представитель сына мне не нужен.

Лиза взяла со стола папку с анкетами.

— Может, хотя бы показать Денису оборудование? Максим Юрьевич оплачивает проект.

— Оплачивает сын. Жить в доме будет отец.

Она кивнула и ушла встречать гостя. За полгода работы со мной Лиза научилась не спорить, когда речь шла о согласии клиента. До этого она работала в интерьерном салоне, где заказчиком считали того, у кого банковская карта. В адаптации жилья такой подход быстро превращал удобный дом в дорогую ловушку.

Денис Олегович вошел с телефоном у уха и кейсом для документов. Ему было около тридцати пяти. Темное пальто хорошо сидело, ботинки оставили на светлом полу мокрые следы. Он закончил разговор, представился руководителем аппарата Громова и протянул мне руку.

— Максим Юрьевич просил начать без него. Все полномочия у меня.

— Медицинские решения тоже?

— Разумеется, нет.

— Предпочтения Юрия Ильича?

Денис на секунду задумался.

— У нас есть утвержденный список оборудования.

Я открыла первую страницу списка. Электропривод для кухонных шкафов. Автоматическая раздвижная дверь на террасу. Система постоянного видеонаблюдения во всех помещениях, кроме санузла. Подъемное кресло для лестницы, хотя в выписке, которую мне разрешили увидеть, не было даже решения о том, сможет ли Юрий Ильич пользоваться лестницей.

— Кто его утверждал?

— Максим Юрьевич и поставщик.

— Владелец дома видел список?

— Ему сейчас трудно заниматься техническими вопросами.

— Значит, списка пока нет.

Денис не повысил голос. Люди, которые часто передавали чужие распоряжения, умели выражать недовольство без лишней громкости.

— Я не уполномочен отменять заказ.

— А я не могу проектировать по нему. Сегодня мы должны проверить, как Юрий Ильич встает, поворачивается, чем пользуется на кухне и какую помощь готов принять. Без него получится выставка техники.

— Оборудование уже оплачено.

— Это не медицинское показание.

Из коридора донесся голос Лизы: машина из центра задерживалась. Пятничный Екатеринбург в это время не позволял точно обещать дорогу даже между соседними районами. Я предложила Денису воду и показала рабочую поверхность, которую можно было опустить до удобной высоты. Он слушал внимательно, задавал правильные вопросы, но каждое его «я передам» подтверждало простую вещь: человека, который мог принять решение, в квартире не было.

В восемнадцать десять врач центра отменил выезд Юрия Ильича. После дневной нагрузки тот устал, давление поднялось, и домашнюю оценку перенесли на начало следующей недели.

Я закрыла папку.

— Тогда сегодня мы закончили.

— Максим Юрьевич рассчитывал получить предварительную смету к понедельнику.

— Получит после оценки.

— Он не любит срыва сроков.

— Я тоже. Поэтому не называю срок, который нельзя выполнить нормально.

Денис убрал телефон в карман и впервые посмотрел на меня без деловой вежливости.

— Вы понимаете, что можете потерять заказ?

— Да.

Мне не пришлось изображать бесстрашие. Потеря такого заказа была бы неприятной: аренда мастерской, зарплата Лизы, аванс Андрею за другой объект. Но переделывать дом после первого падения обошлось бы дороже и мне, и семье Громовых.

Денис ушел. Лиза проводила его, вернулась и опустилась на один из свободных стульев.

— Я бы не выдержала.

— Чего именно?

— Вот этого спокойного «можете потерять заказ».

Я сложила анкеты в сумку.

— Он хотя бы предупредил честно.

Телефон лежал экраном вверх у рулетки. Я взяла его, чтобы проверить время, и увидела сообщение Павла.

«Сложный пациент. На ужин не успею. Не жди».

В ресторане на восемь был заказан столик. Двадцать первая годовщина не относилась к круглым датам, но бронь делал сам Павел. Три недели назад он прислал мне ссылку на меню и спросил, подойдет ли пятница. Я ответила, что освобожу вечер.

Пальцы уже набрали: «Перенести бронь?» Я стерла вопрос. Позвонила в ресторан, сняла заказ и попросила не удерживать депозит. Администратор уточнила фамилию, поблагодарила за предупреждение и закрыла разговор. У нее это заняло меньше минуты.

— Опять? — спросила Лиза.

— У него работа.

— У тебя тоже.

Она сказала это без жалости, скорее с раздражением человека, которому пришлось три часа ровнять мой график ради пустого вечера. Я убрала телефон.

— На сегодня все. Отправь Громову письмо с причиной переноса. Не «по семейным обстоятельствам», а подробно: оценка владельца дома не состоялась по медицинским причинам, смета до нее не формируется.

— А его отсутствие?

— Укажи, что на повторной встрече нужен человек, принимающий финансовые решения.

До дома я ехала сорок минут. Сентябрьский дождь ухудшил видимость, на Малышева машины двигались медленно. Я не звонила Павлу. За двадцать один год брака мы выработали порядок для его экстренных смен: он сообщал, что задержится, я не отвлекала, ужин оставался в холодильнике. Этот порядок пережил ночные дежурства, первые кредиты клиники и тот год, когда Павел почти не бывал дома из-за открытия второго корпуса.

Я поставила на плиту кастрюлю с супом, переоделась и открыла рабочий ноутбук. В письме от Дениса уже стояла копия Максиму Громову. Ответа не было. Я проверила смету по другому объекту, согласовала с Андреем доставку поручней и в половине десятого поняла, что сижу в пальто, которое так и не повесила в шкаф.

Павел пришел в одиннадцать двадцать.

Он открыл дверь своим ключом, поставил у стены дорожную сумку и долго вытирал обувь о коврик. На нем был темно-синий костюм, который я утром отнесла в гостиную после химчистки. Галстук исчез, две верхние пуговицы рубашки были расстегнуты.

— Пациента стабилизировали? — спросила я.

Павел посмотрел на включенный ноутбук.

— Какого пациента?

Я не сразу ответила. Он провел ладонью по волосам и отвернулся к сумке.

— Прости. День был тяжелый.

— Ты написал, что у тебя сложный пациент.

— Я хотел поговорить дома, а ты бы стала звонить.

— Я никогда не звоню тебе во время приема.

— Именно сегодня могла позвонить.

Я закрыла ноутбук. На столе стояла одна тарелка, которой я не воспользовалась, и лежали два прибора. Я убрала второй еще до его прихода. Теперь это казалось слишком аккуратным жестом, словно я заранее согласилась, что он не сядет.

— О чем ты хотел поговорить?

Павел снял пиджак, но не повесил его. Он держал ткань за воротник и смотрел на спинку стула, выбирая, куда положить.

— Нам надо развестись.

Я заметила, что рукав пиджака почти касается пола. В другой день я бы взяла его и отнесла в гардеробную. В этот раз Павел сам положил пиджак на стул.

— Нам? — переспросила я.

— Я хочу развода.

— Так точнее.

Он сел напротив. Рабочая усталость, которой Павел объяснял молчание последние месяцы, исчезла. Он выглядел собранным и неприятно спокойным.

— Мы давно живем как соседи.

— Ты так решил до или после того, как забронировал столик?

— Не начинай с мелочей.

— Я пытаюсь понять дату.

Павел провел большим пальцем по краю стола. Не нервный жест — скорее привычка врача занять руки, пока пациент слышит плохую новость.

— Я снял квартиру полтора месяца назад.

— Где ты жил эти полтора месяца?

— Частично там. Частично здесь.

— В командировках ты не был?

— Нет.

Я отодвинула тарелку, хотя она мне не мешала.

— Ты один снял квартиру?

Павел выдержал паузу.

— У меня отношения с Полиной.

Полина Маркова отвечала за развитие «Новой опоры». Три года назад я помогала ей выбирать квартиру после переезда из Казани. Тогда она дважды приглашала нас с Павлом на новоселье, но мы не дошли: у него была конференция, у меня сдача объекта.

— Сколько?

— Что?

— Сколько продолжаются отношения?

— Около года.

— Десять месяцев? Одиннадцать? Год и два?

Он потер висок.

— Одиннадцать.

В прошлом октябре мы ездили к моей сестре в Тюмень. Павел провел половину дороги за рулем, вторую половину отвечал на сообщения. Я спросила, что случилось, и он сказал, что Полина согласовывает рекламную кампанию. Это объяснение было правдой. Просто не всей.

— Полина знает, что сегодня у нас годовщина?

— Не впутывай ее.

— Я спросила, знает ли она.

— Знает.

— Хорошо.

Я встала, открыла окно на проветривание и сразу закрыла: с улицы потянуло сыростью, а мне не требовался эффектный холод. Требовалось не пропустить ни одного факта.

— Что в сумке?

— Мои вещи. Я заберу остальное позже.

— По предварительному списку?

Он поднял глаза.

— Что?

— Ты подготовился. Значит, список тоже есть.

Павел достал из сумки серую папку и положил на стол.

— Я хотел сделать все спокойно. Здесь проект соглашения. Квартира продается, деньги делим. Машина остается тебе. Я выплачиваю еще три миллиона, и мы не тратим год на суды.

— За что три миллиона?

— Марина, это достойная сумма.

— Я не спрашивала, достойная ли она. Что я отдаю взамен?

Он раскрыл папку, нашел нужную страницу и повернул ко мне.

Я начала читать с предмета соглашения, потом перешла к приложениям. Оборудование моей мастерской оказалось в перечне общего имущества. Права на материалы, созданные при работе с «Новой опорой», предлагалось передать клинике. Отдельный пункт запрещал распространять сведения, способные причинить ущерб деловой репутации Павла и центра. Формулировка охватывала почти любой мой рассказ о собственной работе.

— Кто готовил документ?

— Юристы клиники посмотрели общую часть. По квартире работал оценщик.

На титульном листе отчета стояла дата: шестое сентября. Одиннадцать дней назад. Выписка о рыночной стоимости машины была заказана еще раньше.

— Когда ты собирался сказать?

— Сегодня.

— Я вижу. Ты собирался сказать после того, как подготовил все условия.

— Я хотел избавить нас от грязи.

— Поэтому включил в соглашение мою работу?

— Эта работа выросла внутри клиники. Без наших пациентов у тебя не было бы такой практики.

Я закрыла папку.

— Своим пациентам клиника выставляла счета. Я тоже выставляла клинике счета. Семейная жизнь здесь ни при чем.

— Не превращай это в войну.

— Я читаю документ, который ты принес. Пока война существует только в твоём словаре.

Он встал.

— Подумай до понедельника. Условия действительно хорошие.

— Я покажу их своему юристу.

— Зачем платить чужому человеку за очевидное?

— Чтобы он представлял мои интересы, а не твоё желание закончить все быстро.

Павел застегнул сумку.

— Я оставлю папку.

— Оставь.

— И, пожалуйста, не звони Полине.

— Я не собираюсь.

Это удивило его сильнее, чем отказ подписать. Возможно, он подготовился к крику, вопросам и сравнению нас двоих. У меня не было к Полине ни одного вопроса, на который обязан был отвечать не Павел.

Он забрал пиджак со стула и ушел. Ключ в замке повернулся один раз. Второй оборот Павел всегда считал лишним, пока я не напоминала о нем.

Я заперла дверь сама.

Потом вернулась к столу, сфотографировала каждую страницу и отправила копии в отдельное облачное хранилище. В отчете оценщика я нашла время осмотра квартиры. Четверг, четырнадцать тридцать. В тот день Павел попросил меня задержаться на объекте: сказал, что в центре меняют сервер и дома будет работать специалист.

Специалистом оказался оценщик.

Я открыла настройки рабочего архива ИП. У Павла с первых лет был гостевой доступ: иногда он пересылал мои презентации пациентам. Доступ позволял видеть чертежи, анкеты и шаблоны смет. Я не стала менять или удалять файлы. Только назначила прекращение его учетной записи на восемь утра.

До этого времени оставалось семь часов.

Я поставила будильник на половину восьмого и легла в комнате, где мы с Павлом спали двадцать один год. На его тумбочке лежал зарядный кабель, который он забыл забрать. Я не стала писать ему об этом.

ГЛАВА 2. Его спокойный развод

В семь тридцать я уже сидела на кухне с ноутбуком. Ночью я спала меньше трех часов, но голова оставалась ясной, пока передо мной были задачи с понятным результатом.

Я создала новый пароль, включила подтверждение входа и проверила список устройств. В рабочий архив за последние сутки заходили с моего ноутбука, компьютера Лизы и домашнего планшета Павла. Последний вход Павла значился четвергом, девятью днями раньше. Он открывал папку «Методика», где хранились шаблоны оценки квартиры, старые чертежи и инструкции подрядчикам.

Я выгрузила журнал входов и сохранила его отдельно. Только после этого отключила гостевой доступ.

В восемь двенадцать пришло сообщение.

«Ты заблокировала рабочие материалы?»

Я ответила: «Я прекратила твой доступ к архиву моего ИП. Файлы, переданные клинике по договорам, находятся у клиники».

Павел позвонил сразу. Я сбросила вызов и повторила: «По имуществу и работе прошу писать».

Он прислал длинное сообщение, но я прочитала только первые две строки. Павел утверждал, что я действую на эмоциях и могу сорвать обслуживание пациентов. Я открыла реестр текущих проектов. Все согласованные материалы были направлены координаторам центра, а копии лежали в их системе. Мой личный архив не требовался ни одному пациенту в субботу утром.

Я написала это в ответ и положила телефон экраном вниз.

В половине девятого позвонила Инне.

— Ты дома? — спросила она вместо приветствия.

— Да.

— Он там?

— Нет. Ушел ночью. Хочет развод и три миллиона в обмен на мою подпись под всем, что составили его юристы.

На другом конце стало слышно, как Инна закрывает дверь. Она жила с мужем, двумя собаками и сыном-студентом; для разговора без свидетелей ей обычно приходилось уходить на лоджию или в ванную.

— Сфотографировала?

— Все страницы.

— Ничего не переводила?

— Нет.

— Общий счет не снимала?

— Нет.

— Пароли сменила?

— На своем ИП.

— Вот теперь доброе утро. Я буду через сорок минут.

— Инна, суббота.

— Поэтому и буду через сорок, а не через двадцать. Мне надо покормить собак.

Она приехала с контейнером сырников и собственным ноутбуком. Сняла куртку, осмотрела старый пустой чемодан Павла у двери — утром я нашла его в шкафу и вынесла в прихожую, — и прошла на кухню.

— Кофе есть?

— Есть.

— Себе тоже сделай. Не надо при мне изображать женщину, которая держится на воде комнатной температуры.

Пока варился кофе, Инна открыла проект соглашения. Она читала медленнее меня, возвращалась к цифрам и отмечала карандашом ссылки на приложения.

— Машину он оценил по низу рынка, — сказала она. — Квартиру тоже. Оборудование мастерской записал как общее, хотя покупки шли с расчетного счета ИП. Это не значит, что оно автоматически твое при разделе, но надо смотреть происхождение денег и документы. Три миллиона включают компенсацию за все сразу?

— В документе нет разбивки.

— Значит, красивое число. Красивые числа хороши в рекламе. В соглашении должны быть основания.

Она дошла до передачи прав и перестала листать.

— Это сколько может стоить?

— Не знаю.

— Ты сколько лет собирала методику?

— Первую версию сделала восемь лет назад. Потом меняла после каждого проекта.

— А клиника сколько берет с клиента за пакет?

— Я не видела их конечные цены. Мне платят за обследование, чертежи и сопровождение.

— Сейчас увидим, что можно увидеть законно.

Мы не заходили ни в чужую бухгалтерию, ни в личный кабинет Павла. Инна открыла сайт «Новой опоры» и нашла публичный прайс. Пакет «Безопасное возвращение домой» стоил сто восемьдесят тысяч рублей. В описании значились оценка жилья, индивидуальная схема, подбор оборудования, координация монтажа и контрольный визит.

За ту же работу я выставляла клинике от шестидесяти до девяноста тысяч в зависимости от площади и сложности. Разница могла включать работу координатора, комиссию центра и налоги. Сама по себе она ничего не доказывала.

— Нужны договоры и акты, — сказала Инна. — И рекламные материалы. Они продают твое имя или свое?

— Чаще говорили «команда центра».

— Ты разрешала?

— Я разрешала предлагать мои услуги своим пациентам. По материалам надо читать договор.

Инна посмотрела на меня поверх очков.

— Ты его читала, когда подписывала?

— Читала.

— Тогда почему не знаешь?

— Потому что договор менялся четыре раза. Сначала я сама работала на полставки в центре. Потом ушла в ИП, а приложения готовил их юрист. Павел говорил, что там технические изменения.

— И ты поверила мужу.

— Да.

Признание оказалось проще, чем попытка найти приличное объяснение. Я поверила мужу и не сравнила приложения построчно. У меня не украли способность читать. Я сама отдала ее на время человеку, с которым делила жизнь.

Инна не стала утешать.

— Собирай все версии. Я посмотрю счета, но по правам нужен юрист. Елена Черных принимает по субботам, если заранее попросить. Я ей напишу.

Елена согласилась встретиться после обеда. Ее контора находилась в старом административном здании у центра, но на выходных доступ на этаж был закрыт. Мы устроились в кафе напротив. Елена пришла без папки и ноутбука, заказала чай и попросила переслать документ до начала разговора.

Ей был пятьдесят один год. Она носила короткую стрижку и говорила так, словно за каждое лишнее слово приходилось платить отдельно.

— Вы хотите развестись? — спросила она, дочитав проект.

— Это хочет Павел. Я не собираюсь его удерживать.

— Тогда брак, скорее всего, будет прекращен независимо от имущественного спора. Не надо связывать согласие на развод с согласием на его условия. Несовершеннолетних детей нет?

— Нет.

— Спор о квартире есть?

— Пока есть только его оценка и предложение продать.

— Вы готовы продавать?

Я представила квартиру без Павла. В ней не становилось легче или тяжелее от одного мысленного упражнения. Просто стояла мебель, которую мы выбирали вместе, и шкаф, где половина полок уже опустела.

— Возможно. Но после независимой оценки и не срочно.

— Хорошо. Теперь работа. Как оформлены права на материалы?

Я передала ей договоры, которые успела выгрузить. Елена открыла последнюю версию на планшете.

— Здесь клиника получает право использовать результат конкретного заказа для оказания услуг клиенту. Но приложение с перечнем передаваемых материалов составлено широко. Ваши шаблоны существовали до договора?

— Да.

— Есть ранние файлы, письма, публикации?

— Есть облачный архив. Часть файлов датирована восемью годами раньше.

— Даты в облаке полезны, но одной даты мало. Ищем письма с вложениями, акты, исходники, версии на старых носителях, переписку с подрядчиками. Кто делал чертежи?

— Я. Иногда помощники по моим шаблонам.

— Сразу разделим предмет спора. Сама идея адаптации жилья и рабочий метод не принадлежат одному человеку. Проверять будем конкретные тексты, формы и чертежи, а также права, которые вы действительно передали по договорам.

— Трудовые договоры с ними?

— С Лизой есть. Раньше работали подрядчики.

— Поднимем договоры. Я пока не могу сказать, что именно нарушено. И точно не советую писать публичные обвинения.

— Я не собиралась.

— Многие не собираются до трех часов ночи.

Инна кашлянула, скрывая смехок.

Елена развернула проект соглашения к нам.

— Здесь три разных вопроса: общее имущество, коммерческие права и конфиденциальность. Их объединили одной выплатой, чтобы вам было сложнее оценить цену каждого отказа. Это не делает предложение незаконным. Это делает его невыгодным без проверки.

— Что отвечать Павлу?

— Сегодня — ничего по существу. Подтвердите получение. Сообщите, что документ передан вашему представителю и ответ будет после изучения. В понедельник подпишем договор со мной, если захотите продолжить.

— Сколько стоит работа?

Она назвала аванс и почасовую ставку. Сумма была ощутимой, но не разрушительной. Я записала ее в таблицу расходов.

— Я согласна.

— Не торопитесь хотя бы с моим договором. Я пришлю проект вечером.

— Я прочитаю.

— Вот это правильный ответ.

Мы провели в кафе два часа. Елена разделила документы на четыре папки: брак и квартира, оборудование ИП, договоры с клиникой, доказательства создания материалов. В каждой оставался длинный список того, чего у меня пока не было.

Дома Инна установила свой ноутбук на кухонном столе и запросила выгрузку моих счетов за три года. Она имела официальный доступ как бухгалтер ИП, но обычно работала только с текущим кварталом.

— Смотри, — сказала она через двадцать минут. — В апреле прошлого года у тебя было четыре проекта через клинику. А на сайте в отчете центра указано семь семей, прошедших домашнюю адаптацию.

— У них могли быть другие подрядчики.

— Могли. В мае у тебя три, у них шесть. В июне у тебя пять, у них восемь. Повторяется слишком ровно.

— Они могли продавать консультацию своего специалиста.

— Могли. Поэтому мы пока ничего не утверждаем. Но запросим у них перечень работ, которые они относят к твоим материалам.

Я открыла папку со старыми актами. В каждой стояло имя пациента, номер договора и состав работ. Клиника получала итоговую схему в формате, который нельзя было редактировать без специальной программы. Однако шаблоны рекомендаций и пояснения к чертежам передавались в обычных файлах.

На шестом акте я увидела знакомую фамилию. Семья Крыловых. Я проводила оценку их квартиры прошлой зимой и выставила счет за семьдесят две тысячи. В публичном отзыве на сайте центра Крыловы благодарили «команду домашней адаптации» за комплексную программу стоимостью сто девяносто тысяч.

— Разница может быть обоснованной, — повторила я.

— Может, — согласилась Инна. — Но ты должна знать, за что они брали деньги под описанием твоей работы.

Телефон зазвонил в четыре. Павел.

Я показала экран Инне.

— Хочешь, выйду?

— Нет.

Я приняла вызов и включила обычный режим, без громкой связи.

— Марина, ты получила мои сообщения?

— Да.

— Почему не отвечаешь?

— Я передала соглашение юристу. Он свяжется с тобой после изучения.

— Он или она?

— Это имеет значение?

— Я хочу понимать, кто вмешивается в нашу семью.

— В нашу семью вмешались раньше. Юрист занимается документами.

Павел заговорил тише:

— Ты уже рассказала Инне?

Я посмотрела на подругу. Она закрыла ноутбук и стала собирать контейнеры, чтобы не слушать каждое слово, хотя и не уходила.

— Да.

— Я просил сделать все спокойно.

— Спокойно не значит тайно.

— Не надо выносить это на улицу.

— Я не публикую объявления. Я консультируюсь с бухгалтером и юристом.

— Когда будет ответ?

— После проверки.

— В понедельник?

— Нет. В понедельник я только подпишу договор с юристом.

Он помолчал.

— Три миллиона — хорошее предложение. Оно не будет действовать бесконечно.

— Пришли срок письменно.

— Ты говоришь со мной как с чужим.

— Мы обсуждаем документ, который ты готовил с оценщиком, юристами и другой женщиной до разговора со мной. Письменная форма подходит.

— Полина не участвовала в соглашении.

— Тогда ее имя в этом вопросе больше не понадобится.

Я закончила разговор. Инна вымыла две чашки и поставила их в сушилку.

— Он всегда умел так? — спросила она.

— Как?

— Сделать тебя виноватой за то, что ты привела специалиста на встречу, где у него уже сидит целая команда.

— Не всегда.

Это было правдой. Когда мы поженились, Павел работал дежурным врачом и не умел даже спорить с коммунальной службой. Я звонила, писала заявления, находила мастеров. Позже он научился вести переговоры, а я продолжала делать за нас двоих то, что получалось у меня лучше. Постепенно мы перестали замечать, где помощь заканчивается и начинается право решать без другого.

В шесть вечера пришло письмо от администратора «Новой опоры».

«Марина Сергеевна, просим присутствовать в понедельник в 9:00 на совещании по дальнейшему формату сотрудничества. Участники: П. А. Астахов, П. О. Маркова, финансовый директор, юрист».

Четыре человека со стороны клиники. Формат сотрудничества уже звучал как вопрос, ответ на который они подготовили заранее.

Я переслала письмо Елене и попросила уточнить, сможет ли она присутствовать дистанционно или рекомендовать порядок разговора. Потом открыла календарь и перенесла встречу с поставщиком.

Инна надела куртку.

— Я останусь, если надо.

Первым ответом едва не стало привычное «не надо». Я остановилась.

— Побудь до ужина. Мне надо разобрать договоры, а одной я начну читать их по кругу.

— Закажем еду?

— Закажем. Я плачу.

— Это уже спорный актив, — сказала Инна. — Плачу я.

Шутка была слабой, но уместной. Я впервые за день улыбнулась.

До вечера мы собрали тридцать семь писем, двенадцать версий инструкций и акты за три года. На старом внешнем диске нашлись исходники первого чек-листа, созданные за пять лет до моего договора с клиникой.

В понедельник мне предстояло узнать, сколько стоит спокойный развод, если цену назначает человек, который уходит.

ГЛАВА 3. Клиент, который прислал себя

В понедельник я приехала в «Новую опору» без десяти девять. На парковке стояла машина Павла. Раньше я искала ее автоматически: понимала, успел ли он к утреннему совещанию, не надо ли забрать для него кофе. Теперь серый седан сообщал только о том, что медицинский директор находится на работе.

Елена подключилась к встрече по видеосвязи. Она заранее посоветовала не спорить о мотивах и просить каждый пункт оформить письменно. Я записала ее фразу в блокнот, хотя она не требовала памяти: «Устная обида не заменяет письменного уведомления».

Совещание проходило в малой переговорной. Павел сидел во главе стола. Справа от него расположилась Полина Маркова, слева — финансовый директор и юрист клиники. Для меня оставили место напротив.

Полина была в светлом брючном костюме, волосы собраны в низкий хвост. Я видела ее десятки раз: на открытиях, рабочих обедах, общем новогоднем вечере. Сегодня она не прятала глаза и не пыталась показать особую близость с Павлом. Перед ней лежала папка с логотипом центра.

— Марина Сергеевна, благодарю, что нашли время, — начала она.

— В приглашении стояло обязательное совещание.

Полина на секунду задержала взгляд на моем блокноте.

— Мы хотим обсудить изменение модели оказания услуг. Центр формирует внутреннее подразделение по домашней адаптации. Текущий договор с вашим ИП действует до пятнадцатого октября и продлен не будет.

Я записала дату.

— Уведомление подготовлено?

Юрист передвинул ко мне два листа.

— Договор не требует объяснения причин, — сказал он.

— Я причин пока не спрашивала.

Павел положил ладонь на стол.

— Марина, давай без демонстрации.

— Какой именно?

— Ты прекрасно понимаешь. Мы можем закончить сотрудничество корректно.

— Для этого я и уточняю документы.

Финансовый директор открыл таблицу. До конца срока у меня оставалось четыре активных проекта. Клиника предлагала закрыть их по уже согласованным сметам, а новых клиентов передавать внутренней группе.

— Кто отвечает за группу? — спросила я.

— Мы завершаем подбор, — ответила Полина. — В нее войдут архитектор, координатор и несколько подрядчиков.

— Какие мои материалы вы планируете использовать после пятнадцатого октября?

Юрист заговорил первым:

— Все результаты, переданные по актам, принадлежат центру в объеме, установленном договором.

— Я задала вопрос о перечне.

— Перечень определяется приложениями.

— Тогда прошу до среды направить мне список файлов, шаблонов и методических документов, которые центр считает вправе использовать после окончания договора. Отдельно прошу подтвердить, что новые проекты не будут выполняться по моим исходным чертежам без согласования.

Полина посмотрела на Павла. Он едва заметно кивнул.

— Направим позицию юристов, — сказала она.

— И еще фото клиентов. В рекламных материалах есть объекты, согласие по которым давалось для внутреннего портфолио.

— Мы проверим согласия.

— До проверки рекламу надо приостановить.

— На каком основании? — спросил Павел.

— На том, что человек мог не разрешать публичное размещение своей квартиры и истории болезни.

— Истории болезни там нет.

— Есть имя, возраст, период восстановления и фотографии жилья. Я не утверждаю нарушение до проверки. Я прошу остановить публикацию на время проверки.

Полина записала что-то в папке.

— Мы ответим письменно.

Совещание заняло двадцать восемь минут. Никто не упомянул развод, пока финансовый директор и юрист не вышли. Полина закрыла папку, но осталась.

— Следующую часть можно провести без меня? — спросила она у Павла.

— Да.

Я встала вместе с ней.

— У меня тоже нет следующей части.

Павел нахмурился.

— Нам надо обсудить квартиру.

— Через представителей. Я вчера написала.

— Ты не можешь каждый разговор переводить юристу.

— Могу, если в разговоре есть имущество или отказ от прав.

Полина поправила ремень сумки.

— Марина Сергеевна, я хочу сказать одну вещь.

Я посмотрела на нее.

— Говорите.

— Павел Андреевич сказал, что решение о разводе принято вами обоими давно.

Павел резко поднялся.

— Полина, не сейчас.

— Когда? — спросила она. — Ты просил не вмешиваться, но ее поведение не похоже на заранее принятое решение.

— Мы не будем обсуждать личное в переговорной.

Я застегнула сумку.

— Решение Павел сообщил мне в пятницу. Про одиннадцать месяцев ваших отношений — тогда же. Больше мне нечего добавить.

Полина не извинилась и не оправдывалась. Она коротко кивнула, открыла дверь и вышла. Ее каблук быстро удалился по коридору.

— Зачем ты это сделала? — спросил Павел.

— Ответила на прямой вопрос.

— Ты прекрасно поняла, к чему это приведет.

— Нет. Я не знаю ваших договоренностей.

— Теперь тебе легче?

— У меня в одиннадцать оценка дома. Если клиника направит перечень материалов до среды, я отвечу вовремя.

Я вышла, не дожидаясь разрешения.

До дома Юрия Громова было сорок пять минут без пробок. Максим предложил встретиться у центра и ехать за его машиной, но я отказалась: после оценки мне требовалось вернуться в город на другой объект. Мы договорились прибыть к одиннадцати тридцати.

Черный внедорожник стоял у калитки, когда я подъехала. Рядом разговаривали двое мужчин. Дениса я узнала сразу. Второй был выше, в темном пальто без заметных знаков дорожной марки. Он держал в руках связку ключей и смотрел не на меня, а на часы.

Я припарковалась у забора, взяла сумку с рулеткой и планшетом.

— Марина Астахова, — представилась я.

— Максим Громов.

Рукопожатие было коротким. У него оказался сломанный когда-то нос и седина у висков. Внешность не требовала долгого изучения, зато мне сразу стало ясно, почему подчиненные старались приходить заранее: Максим не спрашивал, кто виноват в опоздании. Он фиксировал время.

— В пятницу вы отказались начинать, — сказал он.

— Оценка владельца дома не состоялась.

— Денис мог утвердить финансовую часть.

— Финансовую — да. Пользовательскую — нет.

— Сегодня отец будет здесь двадцать минут. Потом его надо вернуть в центр.

— За двадцать минут можно проверить вход и одну комнату. Полная оценка займет больше часа с перерывами.

— Все комнаты одинаково устроены.

— Люди пользуются ими по-разному.

Максим повернулся к Денису.

— Почему мне сказали про сорок минут?

— Поставщик называл стандартный выезд, — ответил тот.

— Я не поставщик, — сказала я. — В письме Лизы указан план оценки и длительность до двух часов с перерывом.

Максим достал телефон, нашел письмо и прочитал. Потом убрал его.

— Хорошо. Сегодня сделаем столько, сколько сможет отец. Остальное перенесем.

Он не извинился, но и не стал доказывать, что прав по должности. Для первой встречи этого было достаточно.

Дом построили лет пятнадцать назад: два этажа, высокий цоколь, широкая терраса со стороны сада. До входной двери вели пять ступеней. Временный металлический пандус, который заказал помощник Максима, стоял у стены и был слишком крутым для самостоятельного подъема.

— Это временно, — сказал Денис, заметив мой взгляд.

— Кому-то уже пришлось им пользоваться?

— Нет.

— Хорошо. Пока не крепите.

В доме пахло свежей краской. Рабочие сняли часть дверей, освободили проход и сложили мебель в гостиной. На кухне стояли коробки с автоматическими приводами. Я сфотографировала маркировку с разрешения Максима.

Микроавтобус центра приехал в двенадцать. Юрия Ильича сопровождали врач физической и реабилитационной медицины Вера Матвеева и санитар. Он сидел в кресле, левую руку держал на подлокотнике, правой поправлял плед на коленях. Максим подошел первым.

— Как дорога?

— По-прежнему состоит из ям, — ответил Юрий. Голос звучал медленнее обычной речи, но слова он произносил отчетливо. — Кто распорядился покрасить стены?

— Они были грязные.

— Я жил с ними и не жаловался.

— Зато теперь светлее.

Юрий посмотрел на меня.

— Вы архитектор?

— Да. Марина Астахова. Максим попросил подготовить дом к вашему возвращению. Я хочу узнать, что вам нужно и что вы готовы изменить.

— Наконец-то правильный порядок слов.

Максим отступил, освобождая проход.

Санитар помог Юрию пересечь на ходунки у входа. Я не вмешивалась: сначала надо было увидеть привычную технику, которой его обучили в центре. Порог мешал поставить опору ровно, а дверь открывалась наружу и сокращала площадку. Юрий прошел несколько метров, остановился и попросил стул.

— Он устал, — сказал Максим.

— Я скажу, когда устал, — ответил отец.

Вера Матвеева вмешалась спокойно:

— Юрий Ильич, по шкале от нуля до десяти?

— Четыре.

— Тогда две минуты сидим и решаем, продолжать ли.

Я присела напротив, оставив между нами достаточно места для ходунков.

— Что вы хотите делать дома сами в первую неделю?

— Дойти до кухни. Сварить кофе. Принять душ, если меня не станут караулить у двери.

Выйти на террасу.

— Лестница?

— На втором этаже кабинет. Пока обойдусь без него.

Максим указал на коробки.

— Мы заказали подъемник.

Юрий медленно повернул голову.

— Зачем?

— Чтобы ты мог подняться.

— Я не просил.

— Ты не хотел обсуждать дом.

— Я не хотел обсуждать его с продавцом техники.

Денис отошел к окну. Я открыла список оборудования.

— Здесь также указано видеонаблюдение в жилых комнатах. Юрий Ильич, вы согласны?

— Нет.

— Отец, если ты упадешь...

— Тогда нужна кнопка вызова, часы, датчик движения в коридоре. Камера в спальне тебе зачем?

Максим сжал ключи, потом положил их на подоконник.

— Чтобы знать, что с тобой все в порядке.

— Ты хочешь знать или смотреть?

Вопрос остался между ними без красивого ответа. Максим не привык, что практическое решение называют вторжением. Юрий не хотел превращать страх сына в свое круглосуточное наблюдение.

— Есть варианты без изображения, — сказала я. — Но выбирать будем после оценки риска и с согласия Юрия Ильича. Сейчас проверим кухню, если Вера разрешит.

Реабилитолог кивнула.

Мы прошли по первому этажу. На кухне Юрий попытался открыть верхний шкаф правой рукой и потерял равновесие, потому что перенес вес назад. Вера остановила движение. Рабочая

поверхность была слишком высокой для приготовления сидя, чайник стоял далеко от края, а тяжелая сковорода — в нижнем глубоком ящике.

— Вот это надо менять, — сказал Юрий, отдышавшись. — А не окна с телефона открывать.

— Окна вы часто открываете сами? — спросила я.

— Каждое утро.

— Привод может быть полезен, если ручка высоко. Но надо оставить обычное управление и аварийное открывание.

— Тогда обсуждаем.

Максим молча слушал. Через пятнадцать минут Юрий оценил усталость на семь, и Вера прекратила осмотр. Мы успели проверить кухню, санузел и путь к спальне. Терраса и вход оставались на следующий выезд.

Перед отъездом Юрий подозвал меня.

— Вы приедете без этой комиссии?

— Вера нужна для оценки нагрузки. Максим принимает финансовые решения. Но мы можем ограничить число людей.

— Пусть сын приезжает. Ему полезно увидеть дом. Остальные — по необходимости.

— Договорились.

— И скажите ему, что я не проект.

— Лучше скажите сами. Он вас слышал.

Юрий посмотрел на сына, который помогал санитару закрепить подножку кресла.

— Слышать он умеет. Выполнять пока учится.

После отъезда Максим вернулся в дом. Денис уехал раньше, рабочие ждали указаний во дворе.

— Вы намеренно задавали вопросы о камерах при отце? — спросил Максим.

— Камеры предназначались для его дома. Когда еще спрашивать?

— Можно было сначала обсудить со мной.

— Тогда вы бы дали ответ за него.

— Я отвечаю за его безопасность.

— Вы участвуете в ней. Врач отвечает за медицинские рекомендации, я — за проект в пределах договора, ваш отец — за согласие на изменения. Если он признан способным принимать решения, мы не можем убрать его из разговора.

Максим прошел к кухне и открыл коробку с приводом.

— Половина этого оплачена.

— Часть можно вернуть. Часть использовать после проверки. Я составлю перечень.

— Сколько мы потеряем?

— Пока не знаю.

— Когда узнаете?

— После ответа поставщика и полной оценки. Предварительно к четвергу.

Он посмотрел на часы, потом на коробки.

— Во вторник в десять. Отец согласовал время с Верой Матвеевой. Я буду.

— Заложите два часа и дорогу.

— Я прочитал письмо.

Это прозвучало почти как признание ошибки. Почти — потому что Максим все еще не произнес самого слова.

Я убрала рулетку в сумку.

— И еще. До договора я не выдаю смету. Завтра мы фиксируем объем, потом я направляю коммерческое предложение.

— Денис сказал, вы можете отказаться от заказа.

— Могу.

— Я тоже.

— Конечно.

Он взял ключи с подоконника и открыл мне дверь.

— До завтра, Марина Сергеевна.

— До завтра, Максим Юрьевич.

На обратной дороге я получила письмо от юристов клиники. Они подтверждали прекращение договора, но на вопрос о материалах отвечали одной строкой: «Центр продолжит использовать результаты работ в объеме предоставленных прав».

Объем снова оставался без перечня.

Я переслала письмо Елене. Затем открыла календарь и поставила на вторник два часа для дома Юрия. Максим не прислал вместо себя другого человека. Пока этого было достаточно, чтобы встреча состоялась.

ГЛАВА 4. Дом принадлежит тому, кто в нем живет

Во вторник Юрий Ильич ждал нас в зале лечебной физкультуры. Вера Матвеева поставила рядом с его креслом обычный кухонный стул и предложила показать, как он пересаживается без помощи.

Максим потянулся к подлокотнику.

— Не надо, — остановил его отец.

— Я только подстрахую.

— Вера страхует. Ты смотри.

Максим убрал руку. Он стоял так близко, что при неудачном движении все равно успел бы поддержать, но больше не вмешивался.

Я наблюдала за последовательностью. Юрий поставил правую стопу ближе к стулу, перенес вес вперед, оперся на подлокотник и поднялся. Левая нога включилась с задержкой. Вера держала ладонь у его лопатки, не касаясь. До стула было полшага, однако Юрий потратил на поворот почти минуту.

— Дома расстояние от кровати до кресла больше, — сказала я.

— И ковер мешает, — ответил он. — Уберем.

— Ковер уже убрали, — сообщил Максим.

— Куда?

— На склад.

— Это ковер твоей матери.

— Он скользит.

— Я не спорю, что его надо убрать. Я спрашиваю, куда.

Максим назвал адрес склада. Юрий кивнул и продолжил упражнение.

Этот короткий разговор объяснял больше списка оборудования. Максим принимал правильные решения, не сообщая их человеку, чью жизнь менял. Юрий спорил не со смыслом, а со способом.

После занятия Вера пригласила нас в кабинет. Юрий подписал согласие на обсуждение рекомендаций в присутствии сына и архитектора. Документ был коротким: какие сведения можно сообщать, кому и для какой цели. Максим прочитал его до конца. Я тоже.

— Домой мы ориентируемся на следующую пятницу, — сказала Вера. — При условии, что терапевт подтвердит стабильность и будет организована помощь на первое время. Юрий Ильич ходит с ходунками на короткие расстояния, но устает. Ночью риск выше. Левую руку в быту пока почти не использует.

— Круглосуточная сиделка, — сказал Максим.

— Нет, — ответил Юрий.

— Мы это обсуждали.

— Ты говорил. Я слушал.

Вера повернулась к Юрию:

— Какой объем помощи вы готовы принять?

— Утром и вечером. Днем буду заниматься. Ночью — кнопка вызова.

— Первые дни лучше, чтобы человек оставался в доме, — сказала она. — Не обязательно в вашей комнате и не с камерой. Отдельная спальня, понятный график, помощь по вызову.

Юрий посмотрел в окно. На площадке за стеклом молодой мужчина учился подниматься по ступени с тростью. Инструктор не торопил его.

— На три ночи, — решил Юрий. — Потом смотрим по факту.

— Семь, — сказал Максим.

— Три.

— Пять с пересмотром после третьей, — предложила Вера.

Юрий согласился. Максим записал договоренность в телефон.

— Камеры в жилых комнатах не устанавливаем, — добавила я. — В коридоре можно поставить датчик движения без записи изображения, если Юрий Ильич согласится. Кнопка вызова — на руке или на шее, плюс стационарная в ванной.

— На руке, — сказал Юрий. — На шее я ее забуду под рубашкой.

— Вы уже пользовались такой?

— В центре пробовал браслет. Застежка неудобная.

Я записала модель, чтобы проверить другой ремешок.

Максим перевел взгляд с отца на меня.

— Почему поставщик не спросил об этом?

— Потому что продавал комплект, — ответила я. — Мы составляем решение под конкретного человека.

— В комплекте было все необходимое.

— Необходимое кому?

Он закрыл блокнот.

— Понял.

Юрий усмехнулся.

— Запишите дату. Сын понял вопрос со второго раза.

Максим не обиделся. Он убрал телефон и спросил Веру, какие занятия должны продолжаться дома. Вопрос был практичным и не затрагивал ее полномочия. Вера перечислила только то, что имело значение для помещения: место для упражнений, устойчивый стул, свободный проход, хранение ходунков. Медицинский план она обещала передать Юрию отдельно.

В дом мы приехали после полудня. Юрий остался в центре отдыхать; подробности маршрутов я уже увидела накануне и получила его разрешение проверить размеры без него. Максим ехал следом на своей машине. На этот раз Дениса не было.

— У вас всегда столько согласований? — спросил Максим, когда мы вошли.

— Если работа влияет на безопасность — да.

— На стройке окончательное решение принимает заказчик.

— Здесь три заказчика с разной ответственностью. Вы платите. Отец пользуется. Врачи определяют ограничения.

— Удобная схема. Всегда можно сказать, что отвечает кто-то другой.

Я достала лазерный дальномер.

— Поэтому в договоре будет таблица ответственности. Моя часть — проект и соответствие согласованным данным. Ваша — доступ, оплата, решения по смете. Юрия Ильича — согласие и достоверные сведения о том, чем он пользуется. Медицинская часть остается у специалистов.

— Если отец ночью упадет, таблица не поможет.

— Таблица не предотвращает падение. Она не позволяет продавцу двери решать вместо врача и сына.

Максим снял пальто и повесил на спинку стула. Я показала на настенную вешалку в прихожей.

— Стул понадобится для переобувания.

Он без комментария перенес пальто.

Мы начали с входа. Площадка перед дверью была недостаточно глубокой: человек с ходунками оказывался на траектории створки. Временный пандус имел слишком большой уклон и не подходил для самостоятельного использования. Я предложила расширить площадку и рассмотреть короткий подъемник, но только после решения, будет ли Юрий пользоваться креслом на улице или ходунками с сопровождением.

- Подъемник мы уже заказали, — сказал Максим.
- Для лестницы на второй этаж. Здесь нужен другой тип.
- Значит, два.
- Возможно, ни одного на входе, если можно изменить маршрут через теплый гараж.

Покажите его.

Из гаража в дом вела одна ступень, проем был шире, а площадку можно было выровнять без сложной конструкции. Зимой маршрут требовал регулярной уборки, зато Юрий мог выходить к машине без крутого пандуса.

Максим присел у ступени и измерил перепад моей рулеткой.

- Восемнадцать сантиметров.
- Здесь можно сделать пологий участок внутри, если дверь и утепление позволят.

Андрей посмотрит основание.

- Кто такой Андрей?
- Прораб, с которым я работаю шесть лет. Он не начнет монтаж без проекта.
- Мои строители тоже умеют читать чертежи.
- Тогда пришлите квалификацию и контакт ответственного. Я не навязываю подрядчика, но должна понимать, кто исполняет узлы.

Максим выпрямился.

— Вы всегда разговариваете с клиентами так?

— Как?

— Будто они пытаются испортить собственный дом.

— Большинство не пытаются. Они торопятся и покупают первое понятное решение. Вы уже потратили деньги на технику до оценки. Мне проще сказать об этом сейчас, чем объяснять после монтажа.

Он взял рулетку, свернул полотно и протянул мне.

— Хорошо. Андрей приезжает. Мои строители получают ваши чертежи и отвечают за исполнение. Вы контролируете приемку.

— Это можно записать в договор.

— Записывайте.

Мы прошли по первому этажу. В спальне требовалось переставить кровать: с левой стороны она стояла почти вплотную к стене, а Юрий привык вставать именно туда. Максим хотел заменить кровать медицинской.

— Отец возненавидит ее, — сказал он.

— Тогда зачем?

— Так безопаснее.

— Врач рекомендовал регулировку высоты?

— Нет.

— Сначала проверим высоту этой. Возможно, достаточно другого основания и устойчивой опоры.

Максим записал. Его заметки становились короче, вопросы — точнее. На кухне он сам убрал коробки с прохода, прежде чем я начала замеры.

Мы проверили шкафы, розетки, место для приготовления еды сидя. Часть нижнего модуля можно было заменить выкатной поверхностью. Чайник требовался меньшего объема: Юрий не удержал бы полный правой рукой безопасно. Тяжелую посуду следовало поднять из глубоких ящиков на уровень пояса.

— Он готовит только кофе и яичницу, — сказал Максим.

— Он назвал это целью. Значит, проектируем возможность. Не обязательно менять всю кухню.

— Вы верите, что он снова будет готовить?

— Я не делаю прогнозов. Я убираю препятствия там, где навык уже разрешено тренировать.

Максим оперся ладонями о столешницу и посмотрел на пустой двор. Дождь закончился, на дорожке блестела вода.

— Мать болела два года, — сказал он. — Отец сам ухаживал. Отказывался от помощников, пока не стало поздно. Я приезжал, предлагал деньги, врачей, отдельную квартиру. Он говорил, что справится.

Я не спросила, чем закончились эти два года. Он не собирался рассказывать всю историю. Фраза объясняла камеры, сиделку и технику лучше, чем желание контролировать подряд.

— Сейчас он согласился на помощь, — сказала я. — На конкретную, а не на любую.

— А если конкретной окажется мало?

— Пересмотрим после первых дней. Поэтому два этапа. Первый — к выписке: вход, санузел, спальня, кухня, связь. Второй — после наблюдения дома. Терраса, кабинет, дополнительные устройства.

— Вы предлагаете не заканчивать ремонт до его возвращения.

— Предлагаю не делать необратимые изменения без данных.

— Срок?

— Проект первого этапа — три рабочих дня после договора и получения медицинских рекомендаций. Монтаж зависит от поставок. Андрей сегодня проверит вход. Если ваши строители готовы, часть работ можно вести параллельно.

— Отец должен вернуться в следующую пятницу.

— Вход, санузел и спальню успеем при наличии материалов. Кухню частично. Никаких обещаний по автоматике, пока поставщик не подтвердит возврат и совместимость.

Максим достал телефон.

— Я освобожу четверг для приемки.

— Предварительной. Окончательная будет с Юрием Ильичом.

— Разумеется.

Он произнес это без раздражения. Я отметила изменение и сразу одернула себя. Один корректный ответ не превращал человека в надежного партнера. Он всего лишь позволял продолжить работу.

Андрей приехал через час. Он был в рабочей куртке, с уровнем и небольшим чемоданом инструментов. Поздоровался с Максимом, выслушал задачу и первым делом снял наличник со стороны гаража, чтобы увидеть основание.

— Порог можно убрать, — сказал он. — Но пол в гараже ниже. Сделаем площадку с уклоном внутри, утеплим примыкание. Дверь лучше перенавесить наружу, если пожарные требования и конструкция позволяют. Проверю.

— Сколько? — спросил Максим.

— После вскрытия пола скажу. Сегодня дам диапазон, завтра смету.

— Все здесь любят диапазоны.

— Точная цена до осмотра обычно означает, что запас уже спрятали в сумму, — ответил Андрей.

Максим посмотрел на меня.

— Вы специально подбираете таких людей?

— Он хорошо работает.

— Это я уже понял.

Мы закончили к пяти. На столе лежал предварительный план первого этажа с красными пометками. Максим прочитал каждую, уточнил порядок платежей и попросил направить договор его юристу до утра.

— Я отправлю сегодня до восьми, — сказала я. — Ответные правки прошу в режиме изменений, не новым файлом.

— Почему?

— Чтобы видеть, что именно менялось.

Он надел пальто.

— Денис обычно сравнивает версии.

— Теперь сравню я.

Максим задержался у двери.

— Вы в понедельник отказались начинать без меня. Сегодня я был. Это обязательно для каждого этапа?

— Нет. Только для решений, которые вы не передаете другому человеку письменно. И для разговоров с отцом, где речь идет о вашем участии.

— Вы включите мое время в договор?

— Ваше время не продается мне. Но без него часть проекта не работает.

— Значит, включите график.

— Включу.

Он уехал первым. Андрей продолжал записывать размеры у входа.

— Жесткий, — сказал он.

— Зато читает документы.

— Редкое достоинство.

Я собрала бумаги и проверила кухню перед уходом: коробки стояли вдоль стены, проход оставался свободным. Дом пока не был готов к возвращению хозяина. Но впервые с начала работ решения в нем принимались с учетом того, кто будет открывать дверь, варить кофе и вставать ночью.

Вечером я отправила договор. Через сорок минут пришла версия с правками юриста Максима. Пункт о его присутствии остался на месте.

ГЛАВА 5. Чужой логотип на моей работе

К среде у меня было два договора с одинаковым названием и разным смыслом.

В проекте для Максима Громова чертежи создавались для одного дома, повторное использование требовало моего согласия, а изменения во время монтажа фиксировались в журнале. В договоре с «Новой опорой» слово «результат» охватывало все переданные файлы, но не объясняло, может ли клиника брать мой шаблон и выпускать по нему новые проекты без моего участия.

Елена попросила не искать ответ в собственной обиде.

— Договор читается вместе с приложениями, перепиской и тем, как стороны его исполняли, — сказала она по видеосвязи. — Если восемь лет вы передавали конкретный проект для конкретной семьи, а не библиотеку на будущее, это важно. Но сначала факты.

— Они обязаны дать перечень до сегодня.

— Обещали дать позицию. Обязанность мы пока не установили. Не подменяйте желаемое формулировкой письма.

Я записала замечание. Елена умела поправлять так, что спорить хотелось только первые несколько секунд.

Инна сидела за вторым столом в моей мастерской и сопоставляла счета. Помещение занимало первый этаж бывшего ателье: две рабочие комнаты, маленький склад образцов и санузел, который я переделала так, чтобы показывать разные варианты поручней. Аренда была высокой, зато до «Новой опоры» можно было дойти за двенадцать минут. Через месяц это преимущество переставало иметь смысл.

— Я нашла еще девять расхождений, — сказала Инна. — В твоих актах один объем, в публичных отчетах клиники — другой. Но без их первички мы не знаем, кто делал дополнительные проекты.

— Значит, пока это только вопрос.

— Правильно. И еще вопрос: почему на странице домашней адаптации стоит твоя схема ванной?

Она повернула ко мне ноутбук.

На экране была знакомая планировка. Небольшой совмещенный санузел, дверь перенесена на двадцать сантиметров, поручень у унитаза откидывается к стене, душевая зона без поддона. Этот проект я делала для супругов Крыловых прошлой зимой. Фамилии на схеме не было, размеры клиника убрала. Внизу стоял логотип «Новой опоры» и подпись: «Наш стандарт безопасной ванной».

— Открой исходник, — попросила я.

Я нашла папку Крыловых. В правом нижнем углу моего чертежа стоял номер версии МА-17-4. На сайте номер обрезают, но положение сантехники, разворот двери и даже штриховка старой стены совпадали.

— Не скачивай страницу обычным снимком, — сказала я. — Елена даст порядок фиксации.

— Я уже написала ей ссылку.

Через десять минут юрист прислала инструкции: сохранить адрес, дату, полный вид страницы, исходный код и обратиться к специалисту, если материал снимут до официальной фиксации. Я выполнила только доступные шаги и не стала звонить Крыловым. Сначала требовалось проверить согласия, а не сообщать людям о нарушении, которое мы еще не доказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.